

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №7 14/07/2013– www.afficha.info

«Шеда» - Африка как она есть в Карьере Бульбон.

Екатерина Богопольская

Конголезский актер, режиссер, драматург Дьедонне Ньянгуна – первый африканец, приглашенный арт-директором на Авиньонский фестиваль. Ньянгуна начал писать ещё школьником: отец, лингвист, влюбленный во французский язык, запирает сына на целый день в домашней библиотеке, и тот должен был не только читать, но и каждый вечер писать сочинения о прочитанном. Чтобы развлечься, мальчик стал досочинять к чужим сюжетам собственные истории. К театру его тоже приучил отец, привозивший из поездок в Париж записи спектаклей знаменитых европейских режиссеров. Понятно, что театром Ньянгуна стал заниматься с юности. Вначале как актер, причем весьма успешный. Но тут вмешалась судьба – после первой гражданской войны, которая разорила страну в 1993 году, он начинает все больше испытывать ярость от несоответствия конголезского театра и окружающей жизни. И создает собственную труппу «Дом колдунов» (здесь сказалось другое влияние – если родители Ньянгуна – интеллектуалы, бабка была знаменитой колдуньей, а дед – прорицателем), и первую пьесу - «Гнев Африки».

Photo Christophe Raynaud de Lage

«Шеда».

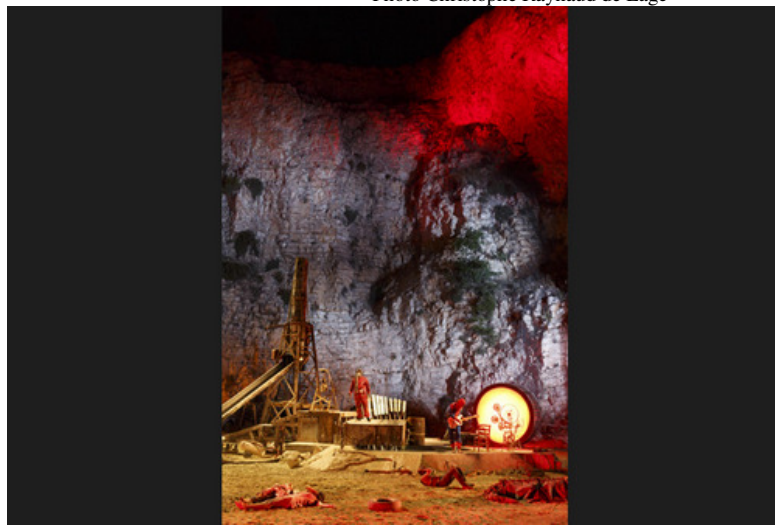
Во время второй гражданской войны, запертый в Браззавиле между осколками бомб, перекрываемыми звуками румбы, он придумывает концепт своего театра, который должен был захватывать человека целиком, проникать под кожу, иначе зачем вообще заниматься театром? Именно театр позволил ему пережить страшный плен, когда он был захвачен в заложники группой вооруженных повстанцев уже во время третьей гражданской войны. (В плену, посреди глухих джунглей, где питались червями и травами, он писал заметки на рукавах рубашки и проговаривал про себя тексты любимых французских авторов: поэмы Сандрара, пьесы Кольтеса).

После окончания войны в конце девяностых создал свой театр под символическим названием «Шум улицы». В течение последнего десятилетия его спектакли часто приглашают в Европу. Авиньонский фестиваль этого года для Дьедонне Ньянгуна третий. Впервые он участвовал в программе с моноспектаклем «Attitude Clando» в 2007 году, потом в 2009 году со спектаклем «Les inépties volantes». В 2005 году был приглашен среди других африканских авторов читать свои пьесы на сцене Comédie Française.

Шеда (Shéda) – слово выдуманное, на пересечении двух корней, шиды, что на африканском диалекте означает мелкую аферу, и шета - дьявол, сглаз. Что получилось? Каждый решает для себя сам. Ньянгуна пишет на классическом французском (Конго принадлежит к странам франкофонной Африки), в который, как в колдовское зелье, подмешивает образные выражения, взятые из местного языка лари.

Карьер Бульбон, как известно, не только вторая по значимости театральная площадка Авиньона, но еще и бывшая каменоломня. Архаичная простота и первозданная красота каменной пустыни – лучшей декорации для притчи об Африке и не придумаешь.

Photo Christophe Raynaud de Lage

Ньянгуна прежде всего автор, и пишет тексты под себя. Я не читала его пьес, но обычно о них говорят как о серии разрозненных монологов, в которых Ньянгуна рассказывает мир через себя. Известен он стал в основном «пьесами войны». Но Шеда – о другом. В центре сценического текста – мертвый город и его обитатели. Город расположен вне конкретного места и эпохи. Ньянгуна представил, что его герои – это падшие боги, попавшие в эту каменоломню бог знает откуда. (И в самом деле, с самой вершины карьера летят на сцену манекены, потом камни) .

«Нигде» - названо это место, чистая игра воображения, возникшая «как наваждение из моих желаний, страхов и ярости.»,- говорит Дьедонне Ньянгуна. Поэтическая драма о судьбе черного континента, о беспощадной реальности современной Африки, с ее межэтническими конфликтами, всеобщей коррупцией, тяжелым колониальным прошлым, невозможностью вырваться из круга нищеты и страданий. Но также с ее непредсказуемостью, наивным и грубым юмором, ее загадками и колдунами. Он размышлял над этой пьесой 12 лет, но написал именно для карьера Бульбон.

Спектакль начинается словами: «В этом карьере ничто не находит разрешения, и все борются за выживание». Целая Программа.

5-тичасовой спектакль – это крик и шепот поэта, возмущенного состоянием мира, и все здесь чрезмерно, настоящее извержение слов. В центре действия – поэт-трибун Дьедонне Ньянгуна. Само же действие распадается на серию более или менее забавных

анекдотов, скетчей, в которых участвует интернациональная труппа из 14 актеров. Иногда текст кажется безумно наивным, или даже тривиальным, иногда прорывается в поэзию – как длинный монолог Стража мертвого города в исполнении французского актера Матье Мерсье.

Сцена напоминала картину художника–сюрреалиста и лагерь беженцев, который обжили «перемещенные лица» разных национальностей и эпох. Туда и сюда слоняется ватага не знающих к чему себя применить шалопаев-африканцев, рассказывают свои истории сказатели, танцует деревенская матрона, бессвязно бормочет что-то долговязый белый человек, не то дервиш, не то городской сумасшедший, посреди сцены чудак внушительных размеров пытается построить нечто вроде перпетуум-мобиле из остова швейной машинки, к которой пристроено велосипедное колесо. Есть еще средневековый европейский рыцарь, многократно пытающийся утопиться в священном озере с аллигаторами (в этой роли невнятно выступил французский режиссер Фредерик Физбах), и влюбленная в него служанка, которая в течение всего спектакля будет преследовать своей любовью неудачливого господина.

Photo Christophe Raynaud de Lage

Здесь с яростью дерутся и также яростно празднуют, плачут, шутят, заходятся в танце. Кроме священного колодца и засыпанного песком чучела крокодила, на сцене можно было увидеть: полуразрушенный остов автомобиля, брошенные здесь и там куски ржавого железа и деревянные ящики, строительные леса, большой светящийся барабан, подобный африканскому солнцу, огромную бетономешалку с тобогганом, из которого вместо бетона будут выскакивать живые люди, человека на велосипеде, и прогуливающую живую козу. Есть еще сверхъестественные персонажи, типа человека с оленьими рогами, а рядом персонажи популярных мультфильмов и боевиков- Батман, Шрек и надувной Микки-Маус на вершине карьера. А поверх всего импровизация двух музыкантов, африканца и француза. Помимо гитары, трубы и ксelloфона, играют на всем, что попадет под руку. На сцене царит полный хаос, как визуальный, так и смысловой: найти путеводную мысль в этой мозаике сюжетов, монологов и образов почти не представляется возможным. Африканский сюр, скажете Вы? Во всяком случае, в этно-хаосе, организованном режиссером Ньянгуна есть своя прелесть, артистическая чертовщинка, куда более притягательная, чем высказывание Ньянгуна–драматурга. Хотя зрители реагируют на спектакль очень чутко, отзываясь на все, или почти все комические репризы, даже когда в зал не мудрствуя забрасывают футбольные мячи. К счастью, надувные. И если многие капитулировали в антракте, после двух с половиной часов представления, то в основном потому, что увиденного было вполне достаточно, и дальнейшее воспринималось бы как бесконечное повторение. Общее впечатление драматургической бессвязности в конце концов утомило.